

ПРОЕКТ
«СПЕКТАКЛЬ»

ВТОРАЯ
РОЛЬ

Александр Гришин

Проект «Спектакль».

Вторая роль

<https://litres.ru/74621124>

SelfPub; 2026

Аннотация

Игорь Громов вышел из «Севера» сам. Софья видела это. Алексей Ветров помог сохранить запись. Казалось, теперь никто не сможет говорить за Игоря.

Но на другом видео, снятом уже после его освобождения, остаётся человек с его лицом. Вскоре от имени Игоря появляется заявление, которого он не подписывал. Пока герои ищут источник подделки, документы и записи начинают складываться в биографию человека, которого не должно существовать.

Алексей умеет находить следы вмешательства в старых вещах. Теперь ему предстоит проверить не предмет, а чужую версию живого человека — и понять, почему она кажется убедительной тем, кто никогда не встречал настоящего Игоря.

Что делать, если твоё лицо, имя и голос уже признали подлинными — только принадлежат они не тебе?

Содержание

Пролог. Два бокала	4
Глава 1. После файла	14
Глава 2. Лицо в записи	37
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Гришин

Проект «Спектакль».

Вторая роль

Пролог. Два бокала

Не с коньяка, не с чая и не с цедры. С одного большого прозрачного куба, который падал на дно тяжёлого стакана с сухим, почти вежливым звуком. После этого в комнате на несколько секунд становилось тише. Не потому, что лёд умел успокаивать. Просто у каждого ритуала есть момент, когда руки уже заняты, а слова ещё не успели испортить всё окончательно.

Сегодня кубов было два.

Он поставил рядом два низких стакана и налил в каждый немного коньяка. Янтарная жидкость легла на лёд ровно, без всплеска. Воронцов добавил охлаждённый чёрный чай, затем вишнёвый кордиал. Цвет сразу стал глубже — не красным, не коричневым, а тем неопределённым оттенком, который возникает в старых театральных кулисах, когда на них падает свет из зала.

Он взял флаконы с биттерами.

Три капли апельсинового.

Две — полынного.

На третьей Воронцов остановился.

Служебная кухня была слишком чистой, чтобы быть уютной, и слишком тесной, чтобы называться кухней. Белая столешница, стальной чайник, холодильник без магнитов, пластиковый контейнер с бумажными стаканчиками. Над раковиной висело маленькое зеркало. В нём отражалась не комната, а только край его плеча и ряд холодных ламп под потолком.

Окон здесь не было.

Воронцов не любил помещения без окон. В них слишком легко перепутать утро с ночью, а усталость — с готовностью согласиться. Человеку кажется, что он просто хочет поскорее уйти. На самом деле он уже давно перестал понимать, где находится.

За перегородкой щёлкнул выключатель.

— Свет на три четверти, — сказал женский голос.

Пауза.

— Нет. Не фронтально. И не давайте ему смотреть прямо в объектив до сигнала.

Воронцов медленно положил флакон с биттером на стол.

Из соседнего помещения донёлся скрип колёсика. Кто-то передвинул стул. Потом негромко кашлянул — коротко, будто извиняясь за то, что вообще существует.

Воронцов снял с апельсина тонкую полоску цедры. Кожица лопнула под ножом, выпуская привычный терпкий запах.

И почти сразу под ним поднялось другое.

Сладковатая горечь металла.

Сырость подвала.

Вода в старых батареях — тот тяжёлый, тёплый запах, который бывает осенью, когда отопление включают после долгой паузы и трубы начинают вспоминать всё, что в них стояло целое лето.

Воронцов застыл.

Апельсиновая полоска дрогнула между пальцами.

Дверь открылась без стука.

Арсеньев вошёл быстро, но не торопливо. В серой рубашке без галстука, с планшетом под мышкой, он выглядел как человек, которого вытащили с длинного совещания и заставили решать ещё одну мелкую проблему. Только глаза выдавали, что проблема давно перестала быть мелкой.

Он посмотрел на бокалы.

— Вы всё ещё это делаете.

— Иногда, — ответил Воронцов.

— По-моему, вы просто не умеете разговаривать без рекевизита.

Воронцов выжал цедру над первым стаканом. Масла легли на поверхность напитка тонкой, почти невидимой плёнкой.

— А вы, по-моему, не умеете разговаривать без формуляра.

Арсеньев взял второй бокал. Поднёс к лицу, вдохнул, но пить не стал.

— У вас был повод прийти сюда не одному.

— У меня был повод прийти до того, как вы начнёте.

— Мы уже начали.

— Я заметил.

Арсеньев поставил бокал обратно, аккуратно, точно в круг от влажного стекла. Он всегда ставил вещи так, будто за этим следили. Возможно, за ним действительно следили. Воронцов давно перестал различать эти две причины.

— Это не то, чем вам кажется, — сказал Арсеньев.

— Обычно так говорят люди, которые очень рассчитывают, что им не придётся объяснять, чем именно это является.

— Это процедура.

— Нет.

Воронцов наконец посмотрел на него.

— Процедура — это когда человек знает, что с ним делают, понимает последствия и может отказаться. Всё остальное — только слово, которым вы прикрываете работу.

Арсеньев усмехнулся. Без злости. Почти устало.

— Вы по-прежнему считаете, что достаточно назвать вещь правильно — и она станет другой.

— Нет. Я считаю, что если перестать называть вещи правильно, ими слишком быстро начинают пользоваться.

Из соседней комнаты снова донёсся женский голос:

— Подбородок чуть выше. Нет, не так. Просто посмотрите на точку над камерой.

Потом — мужской голос. Тихий, хрипловатый.

— Я смотрю.

Воронцов почувствовал, как холод от льда проходит через стекло в пальцы.

Голос он не узнал.

И от этого стало хуже.

Арсеньев проследил за его взглядом.

— Вам не нужно туда входить.

— Если бы мне не нужно было туда входить, вы бы не оставили дверь без охраны.

— Дверь без охраны — не приглашение.

— Иногда это единственная честная часть здания.

Арсеньев медленно выдохнул.

— Константин, вы больше не в совете.

— Я знаю.

— У вас нет полномочий приостанавливать работу контура.

— Я знаю.

— Тогда не превращайте это в личную драму.

Воронцов взял свой бокал. Повернул его, наблюдая, как лёд медленно смещается в тёмной жидкости.

— Вы готовите человека к записи, — сказал он. — В комнате без окна. Под светом, который должен показать не его лицо, а удобное лицо. И хотите, чтобы я поверил: здесь нет ничего личного.

— Мы готовим его к разговору.

— С кем?

Арсеньев не ответил.

Воронцов ждал. За годы он научился не заполнять паузы за других. Люди сами старались это сделать, если дать им немного времени.

Из-за перегородки раздался другой звук. Негромкое постукивание — пальцами по подлокотнику. Ровное, с промежутками. Три удара. Пауза. Ещё два.

Арсеньев чуть повернул голову.

— Он устал.

— Вы спросили его, хочет ли он продолжать?

— Он согласился на условия.

— Когда?

— Раньше.

— Это не дата.

— Вам нужна подпись?

— Мне нужен человек, который понимает, что подписал.

Арсеньев посмотрел на него с тем выражением, которое Воронцов особенно не любил: как на пожилого родственника, которому позволено быть неудобным, пока он не мешает работе.

— Он понимает достаточно.

— Достаточно для чего?

— Чтобы не разрушить то, что уже сделано.

Воронцов опустил бокал.

— Вот это вы и называете целью? Не дать человеку разрушить вашу работу?

— Не дать человеку разрушить себя.

На секунду голос Арсеньева прозвучал почти искренне.

Именно поэтому Воронцов не стал спорить сразу.

Самые опасные слова редко произносят люди, которым нравится причинять зло. Люди, которым нравится причинять зло, быстро утомляют окружающих и плохо работают в учреждениях. Хуже те, кто действительно верит, что удерживает мир от распада. Они умеют говорить спокойно. Они умеют приносить воду. Они умеют назвать клетку периодом восстановления.

— Вы не удерживаете его, — сказал Воронцов. — Вы удерживаете версию, в которой вам не приходится отвечать за то, что сделали.

Арсеньев сжал планшет сильнее.

— А вы? Вы столько лет смотрели, как это работает, и выбирали правильный момент для замечаний. Это, по-вашему, ответственность?

Вопрос был справедливым. От этого он прозвучал точнее, чем удар.

Воронцов посмотрел на два бокала.

Они были одинаковыми. Один стоял перед ним. Второй — перед Арсеньевым. В каждом плавал по одному прозрачному кубу льда, и оба напитка ловили жёлтый свет ламп одной и той же тёмной поверхностью.

Разница была только в том, что один он сделал сам.

А второй — предложил человеку, который уже давно ре-

шил, что чужую волю можно разлить по нужным стаканам, если подобрать правильные пропорции.

— Нет, — сказал Воронцов. — Это не ответственность. Это было удобство.

Арсеньев моргнул.

— Наконец-то.

— Но удобство плохо переносит свет.

Он поставил свой бокал на край раковины.

Из комнаты за перегородкой донёсся тихий голос:

— А если я скажу, что не хочу?

Никто не ответил сразу.

Воронцов почувствовал, как пахнет металл. Запах был уже не под цитрусом — он стоял в воздухе открыто, как будто кто-то только что провёл мокрой тряпкой по старой трубе.

Арсеньев прикрыл глаза.

— Вы устали, — сказал он наконец. — Это нормально. Мы сделаем паузу.

— Нет, — повторил голос. Теперь тише. — Я не хочу.

— Мы зафиксируем, что вы сейчас испытываете повышенное напряжение. Вернёмся к разговору, когда вы сможете отвечать без лишнего давления.

Воронцов медленно повернулся к перегородке.

— Вы слышали слово «нет»?

— Я слышал человека в остром состоянии.

— Вам удобно слышать именно это.

— Мне удобно не принимать необратимых решений на

основании одной фразы.

— А ему удобно принимать их на основании ваших?

Арсеньев шагнул ближе.

— Не надо делать вид, что вы пришли сюда за ним.

Воронцов поднял на него взгляд.

— Я пришёл за тем, что вы собираетесь оставить после него.

Арсеньев нахмурился.

— Что это значит?

— Пока ничего.

Воронцов повернулся к раковине и вылил свой коктейль.

Тёмная жидкость закрутилась в воде, вишнёвый след на секунду задержался на белой эмали и исчез. Куб льда ударился о металлическую решётку, треснул и медленно поплыл к сливу.

Арсеньев не двинулся.

— Театрально, — сказал он.

— Нет. Театрально — это то, что вы делаете за стеной.

Воронцов достал телефон.

Связь внизу обычно работала плохо. Здесь, на служебном этаже, она работала слишком хорошо: полная шкала, быстрый отклик, ни одного лишнего уведомления. В таких местах даже тишина должна была быть предусмотрена проектом.

Он выбрал номер без имени.

Арсеньев посмотрел на экран.

— Кому вы звоните?

— Человеку, который умеет сохранять оригиналы.

— Вы не понимаете, во что вмешиваетесь.

— Нет, — сказал Воронцов. — Я понимаю только одно. Если вы сейчас получите единственную запись, которая останется, вы назовёте её правдой ещё до того, как кто-нибудь успеет спросить, что было до первого кадра.

В трубке щёлкнуло.

— Да? — сказал незнакомый голос.

Воронцов смотрел на закрытую дверь.

— Мне нужен исходник, — произнёс он. — Не копия. Не версия для отчёта. Исходник.

За перегородкой коротко пискнуло оборудование.

Потом загорелась красная точка записи.

Воронцов не стал ждать, пока она погаснет.

Глава 1. После файла

Утром в мастерской Лаврова пахло клеем, вчерашним чаем и мокрой шерстью.

Запах был такой обычный, что Алексей сначала почти обиделся на него. После нескольких недель, в которые его жизнь успела стать последовательностью закрытых дверей, чужих коридоров, камер, служебных формулировок и людей, уверенных, что знают о нём больше, чем он сам, мастерская Бориса Андреевича должна была пахнуть хотя бы тревогой. Или дымом. Или чем-нибудь ещё, что заранее предугадало бы: нормальность закончилась.

Но пахло клеем.

Лавров сидел за длинным столом у окна и держал пинцетом деревянную птицу размером с ладонь. У птицы не было правого крыла. Вернее, крыло было — лежало рядом на листе плотной бумаги, тонкое, с тремя резными перьями и свежим изломом у основания. Борис Андреевич смотрел на него с тем выражением, с каким другие люди смотрят на письмо из налоговой: не с ужасом, а с готовностью немедленно найти виновного.

— Вы опоздали на семь минут, — сказал он, не поднимая глаз.

— Доброе утро, — ответил Алексей.

— Утро будет добрым, когда ты перестанешь считать семь

минут допустимой погрешностью.

— Семь минут — это почти пунктуальность.

— Для электрички. Не для человека, который сам научил меня не верить словам «почти» и «примерно».

Алексей снял мокрую куртку. Дождь за ночь успел перейти в ту бесцветную ноябрьскую морось, которая не падает, а висит в воздухе и медленно оседает на воротнике. Он положил ключи на край стола, рядом с баночкой клея, и только потом заметил ноутбук.

Тот стоял на другом конце мастерской, на свободном участке между стопкой каталогов и коробкой с латунными петлями. Экран был тёмным. Но Алексей знал, что там. От этого тёмный прямоугольник казался не выключенным, а терпеливым.

— Они давно здесь? — спросил он.

Лавров наконец поднял глаза.

— Софья с Игорем пришли раньше. Марат не приходил вообще. Он в вашей технической святыне, как её...

— Он дома.

— Тем хуже. Человек не должен работать в одиночестве там, где у него есть интернет.

— Вы вчера говорили, что интернет — главная причина, по которой человечество всё ещё не вымерло от скуки.

— Я часто ошибаюсь в мелочах, — сухо сказал Лавров.
— Это не повод делать из меня последовательного человека.
Из комнаты за перегородкой донёсся голос Софьи:

— Марат, если ты собираешься начать с того, что «это сложно», я просто выключу тебе связь.

— А если я начну с того, что это неприятно? — ответил голос из динамика ноутбука.

— Тогда я выключу её медленнее.

Алексей посмотрел на Лаврова.

— Они уже начали?

— Они начали до того, как пришли. Ты тоже начал, судя по лицу. Идите туда. Только не ставьте кружки на журналы. Я их ещё не дочитал.

— Какие именно?

— Все.

Комната за перегородкой была меньше мастерской и теплее. У стены стоял старый диван, на котором когда-то, вероятно, отдыхали люди, ожидавшие, пока Лавров спасёт от времени их семейные портреты, часы или плохо пережитые шкафы. Сейчас на диване сидел Игорь. В сером свитере, который был ему немного велик в плечах, он держал обеими руками кружку с чаем и смотрел не на ноутбук, а на окно.

На подоконнике стояли три горшка с чем-то зелёным и недовольным жизнью. За стеклом медленно проходили люди: женщина с пакетом, мужчина в тёмной куртке, школьник, который пытался прикрыть рюкзаком голову от дождя. Ничего из этого не имело отношения к видео. И всё же Алексей поймал себя на мысли, что Игорь смотрит наружу слишком внимательно, будто проверяет, не изменится ли улица,

если отвернуться.

Софья стояла у ноутбука. На ней был тёмный свитер и те же джинсы, что вчера; волосы она собрала в хвост так небрежно, как собирают их люди, которые не спали и не хотят обсуждать это с окружающими. Рядом с ней на полу лежал рюкзак Игоря. Новый, слишком аккуратный, с биркой от магазина, которую никто не успел снять.

Марат был на экране в маленьком окне видеозвонка. Его лицо выглядело серым от монитора, за спиной виднелась полка с проводами, пустая кружка и часть стены, на которой кто-то когда-то пытался повесить карту, но передумал.

— Он пришёл, — сказала Софья.

Марат кивнул Алексею.

— Доброе утро.

— Оно уже решило, добрым быть или нет? — спросил Алексей.

— Пока колеблется. Но у него плохие аргументы.

Игорь повернул голову. На секунду Алексей увидел в нём того человека, которого спасали: слишком неподвижного, настороженного к звукам, готового в любой момент услышать за обычной фразой инструкцию. Потом это прошло. Игорь коротко кивнул.

— Привет.

— Привет, — ответил Алексей.

Он не сел сразу. Ему хотелось спросить, спал ли Игорь, ел ли он, видел ли врача, приходили ли ночью сообщения.

Все эти вопросы были бы понятными. И все звучали бы как вопросы к человеку, которого нужно контролировать.

Вместо этого Алексей посмотрел на экран.

— Вы запускали?

— Один раз, — сказал Игорь.

Софья повернулась к нему.

— Мы можем не смотреть второй.

— Я хочу, — сказал Игорь.

Она открыла рот, но не сразу ответила. Алексей заметил, как её пальцы легли на край ноутбука. Не закрывая крышку. Просто касаясь.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда ты сам скажешь, когда остановить.

Игорь перевёл взгляд на неё. Кивнул.

Это было маленькое движение. Ничего не решало. Но Алексей почувствовал, как в комнате на секунду стало меньше воздуха.

— Стоп, — сказал Лавров из мастерской. — Прежде чем вы все начнёте смотреть на экран как на икону, которая обязана дать ответ, я принесу нормальные чашки. Эти музейные кружки треснут от одного вашего выражения лица.

— У вас есть нормальные чашки? — спросил Марат.

— Нет. Но есть менее ценные.

Он ушёл на кухню.

Алексей сел напротив Игоря. Между ними стоял низкий столик, на котором лежали линейка, карандаш, три винта

разного размера и старый театральный бинокль без одного окуляра. Вещи не были связаны между собой, но вместе выглядели как материалы к делу, которое никто ещё не сформулировал.

— Что ты заметил? — спросил Алексей.

Игорь посмотрел на чёрный экран.

— Пока ничего, чему можно верить.

— Это уже неплохо.

— Почему?

— Потому что хуже всего — заметить что-то и сразу решить, что знаешь, что это значит.

Игорь чуть повёл плечом.

— Это твой способ сказать «не думай»?

— Нет. Это мой способ сказать: думай, но не подписывай вывод раньше времени.

Софья опустилась на край кресла.

— Алексей прав.

— Я знаю, — сказал Игорь. — Это раздражает.

— Вот теперь ты действительно похож на себя, — тихо сказала она.

Игорь посмотрел на неё, и на этот раз улыбнулся. Не широко. Но по-настоящему.

Алексей отвернулся к ноутбуку.

— Марат, давай сначала целиком. Без остановок.

— Ты уверен? — спросил Марат.

— Нет. Но это не тот вопрос, который сейчас помогает.

Курсор на экране дрогнул. Появилась папка с бессмысленным набором букв и цифр. Марат открыл файл.

Сначала была темнота.

Не чёрный экран, а плохо освещённое помещение. Камера стояла высоко, в углу, и смотрела вниз под неудобным углом. В кадре виднелась часть комнаты: белая стена с серым пятном у плинтуса, окно, закрытое жалюзи, пластиковый стол, кружка воды на подоконнике. У окна сидел человек.

Спиной к камере.

Алексей почувствовал, как Софья рядом перестала дышать.

Человек был в серой рубашке. Руки лежали на коленях. Слишком ровно. Так сидят не тогда, когда им удобно, а когда заранее сказали, куда положить руки.

В дверь вошёл Арсеньев.

На видео он выглядел моложе, чем Алексей его помнил. Или, может быть, камера делала лица плоскими и поэтому убирала усталость. Он остановился рядом со столом, посмотрел на сидящего человека и произнёс:

— Вам снова придётся сыграть брата.

Человек у окна не ответил.

Арсеньев сделал шаг ближе.

— Вы понимаете, что это необходимо.

Тогда человек медленно повернул голову.

У него было лицо Игоря.

Не похожее.

Не напоминающее.

Не лицо человека, которого можно принять за Игоря при плохом свете или после двух бессонных ночей.

Лицо Игоря.

Софья шумно втянула воздух.

Игорь не пошевелился.

На экране человек посмотрел прямо в объектив. Потом уголок его рта поднялся.

Улыбка длилась меньше секунды.

И всё же Алексей успел подумать, что это не улыбка человека, которому весело. Так улыбаются, когда знают, что от них ждут правильной реакции, и пытаются вспомнить, как она выглядит.

Видео оборвалось.

В комнате никто не заговорил сразу.

Из кухни звякнула чашка. Лавров выругался вполголоса, потому что, вероятно, обжёгся или уронил ложку. Обычный звук. Почти спасительный.

Софья медленно накрыла ладонью крышку ноутбука.

Игорь поднял голову.

— Не закрывай.

— Игорь...

— Не закрывай, пожалуйста.

Софья убрала руку.

— Хорошо.

Он посмотрел на пустой экран.

— Это не я.

— Мы знаем, — быстро сказала она.

— Нет.

Игорь повернулся к ней. Голос у него оставался тихим, но в нём появилось то, чего Алексей прежде не слышал: раздражение не на неё, а на необходимость снова объяснять очевидное.

— Вы знаете, что это не я, потому что я сижу здесь. А если бы меня здесь не было?

Софья побледнела.

— Я всё равно знала бы.

— Почему?

Она не ответила.

— Потому что я твой брат? — продолжил Игорь. — Потому что я пью чай слишком горячим? Потому что забываю ключи? Потому что ты помнишь, как я в детстве разбил вазу и свалил всё на кота?

— Игорь.

— Я не спорю. Я спрашиваю.

Он посмотрел на Алексея.

— Вы бы знали?

Алексей почувствовал, как ответ приходит слишком быстро: «Нет, конечно». Он не сказал этого.

— Я бы проверял, — ответил он.

— Это не то же самое.

— Нет.

— А если проверка скажет, что это я?

Вопрос повис между ними.

Марат на экране отвёл взгляд. Лавров вошёл с подносом, поставил чашки на стол и, кажется, понял по лицам, что пришёл не вовремя. Но уходить не стал. Только сел на табурет у двери, поставил рядом свою чашку и посмотрел на остановившийся кадр.

— Проверка ничего не говорит, — произнёс он. — Говорят люди. Проверка оставляет следы, по которым другим людям легче понять, кто врёт.

Игорь посмотрел на него.

— А если следы тоже врут?

— Тогда их должно быть больше одного.

Лавров поставил деревянную птицу на стол. Крыло по-прежнему лежало отдельно, на бумаге.

— Вот, например. Я могу приклеить крыло так, что через год никто не заметит. Могу подобрать клей, затонировать шов, состарить поверхность. Человек без опыта посмотрит и скажет: целая птица. Человек с опытом увидит линию. Но это не значит, что он должен верить глазам. Он ищет клей, волокна, направление излома, след давления. Один признак — это догадка. Несколько — уже разговор.

— А если кто-то умеет делать всё? — спросил Игорь.

Лавров взял крыло пинцетом.

— Тогда он всё равно оставит то, что не счёл важным.

— Или то, что хотел, чтобы мы заметили, — сказал Алек-

сей.

Лавров покосился на него.

— Вот поэтому тебя трудно любить.

— Я не прошу.

— Это тоже одна из причин.

Софья почти улыбнулась, но не смогла. Она смотрела на Игоря.

— Ты хочешь ещё раз?

— Да.

— Хорошо, — сказал Алексей. — Но теперь будем смотреть не как люди, которым показали ужас. Как люди, которым показали предмет.

Игорь перевёл на него взгляд.

— Я не предмет.

— Я знаю. Я говорю о файле.

— Тогда говори о файле.

Алексей кивнул.

— О файле.

Он встал и подошёл к ноутбуку.

— У нас есть четыре варианта. Первый: запись настоящая, но время указано неверно. Второй: запись собрали из нескольких фрагментов. Третий: человек в кадре — не Игорь, а сходство сделали светом, гримом, обработкой или всем сразу. Четвёртый: мы не знаем части хронологии и поэтому задаём неправильные вопросы.

— Ты забыл пятый, — сказал Марат.

— Какой?

— Что я ошибся.

— Это не версия файла. Это условие нашей работы.

Марат усмехнулся.

— Хорошо. Тогда я временно согласен быть условием.

— А что из этого ты считаешь наиболее вероятным? — спросила Софья.

— Не знаю, — сказал Алексей.

Она закрыла глаза.

— Ты умеешь говорить это так, будто предлагаешь утешение.

— Я не предлагаю утешение. Я предлагаю не помогать им придумывать за нас.

Игорь медленно кивнул.

— Запусти с начала. И останови там, где он поворачивается.

Марат перемотал видео.

На этот раз они смотрели молча.

Алексей следил не за лицом человека у окна. Лицо было слишком сильной приманкой. В таких вещах всегда сначала подсовывают главное, потому что главное ослепляет лучше всего.

Он смотрел на комнату.

Кружка на подоконнике. Жалюзи. Пятно на стене. Узкую серую полосу у двери. На столе лежал пластиковый стаканчик, пустой, с продавленным краем. У правого ножки стула

темнела тень.

— Стоп, — сказал он.

Кадр замер за мгновение до того, как человек повернул голову.

— Приблизь подоконник.

Марат выполнил.

Кружка оказалась обычной белой кружкой с синей полосой у края. Вода в ней была налита примерно наполовину. На стекле за ней отражалась тонкая вертикальная линия света.

— Что? — спросила Софья.

— Пока ничего, — сказал Алексей. — Дай кадр на три секунды раньше.

Марат отмотал.

Вертикальная линия исчезла.

— Может, жалюзи качнулись, — предположил Игорь.

— В помещении без ветра? — спросил Лавров.

— Окно могло быть открыто.

— Тогда шевелились бы жалюзи, а не только отражение, — сказал Алексей.

Лавров наклонился к экрану. Достал из нагрудного кармана лупу, привычным движением разложил её и тут же замер.

— Мне стыдно за профессию, — сказал он.

— Почему? — спросила Софья.

— Потому что я пытаюсь рассмотреть монитор через лупу.

— Это помогает?

— Нет. Но делает меня похожим на человека, который не сдаётся.

Марат увеличил изображение ещё сильнее.

На экране появились квадраты, шум, серые точки. Полоса света распалась на дрожащую вертикальную кляксу.

— Это не отражение, — сказал Марат.

— Почему? — спросил Алексей.

— Потому что она не живёт в кадре. Смотри.

Он переключил окно. Вместо видео появилась тёмная временная шкала с несколькими дорожками. Алексей увидел тонкие синие прямоугольники, зелёную звуковую волну и ряд мелких отметок, похожих на зубцы пилы.

— Это что? — спросила Софья.

— Не магия, — ответил Марат. — Хотя я понимаю, что выглядит как месть бухгалтерии.

— Марат.

— Извини. Это служебные отметки. Камера каждые несколько секунд оставляет в потоке свой внутренний след: синхронизация, экспозиция, поправка по свету, технические вещи. Они не всегда видны, но если файл не пересобирали грубо, их можно сравнить.

— А если пересобирали не грубо? — спросил Лавров.

— Тогда нужно искать, что они не успели пересобратить. Или что решили не трогать, потому что не считали важным. Алексей посмотрел на него.

— Подделка редко начинается с главного, — сказал Лав-

ров. — Она начинается с детали, которую слишком старательно оставили на месте.

Марат кивнул.

— Вот. Видеодорожка начинается в 08:42:11. Звук — в 08:42:13. Это уже странно, но не смертельно. Камеры иногда тупят. Потом всё идёт нормально... почти.

Он провёл курсором по шкале.

— Вот здесь, когда Арсеньев входит в кадр, запись как будто перескакивает. Не кадрово. Для глаза это плавно. Но служебный счётчик экспозиции повторяет цикл, которого не должно быть.

— То есть монтаж? — спросила Софья.

— Я не сказал этого.

— Но ты думаешь.

— Я думаю, что я вижу повтор. Повтор не всегда означает монтаж. Камера могла перезагрузиться. Файл могли восстановить после сбоя. Архив мог храниться с ошибкой. Кто-то мог выгрузить его через странный конвертер. Есть много скучных причин, которые люди не любят, потому что они не дают немедленного виноватого.

— А нескучные? — спросил Игорь.

Марат помолчал.

— Нескучная причина в том, что внутри этого файла есть кусок времени, который не может решить, кому принадлежит.

Он увеличил шкалу.

Синие прямоугольники раздвинулись. Между двумя аккуратными сериями отметок лежал участок, почти пустой. Не чёрный, не вырезанный. Просто слишком ровный.

— Вот это, — сказал Марат.

— Что это? — спросила Софья.

— Восемнадцать минут.

Алексей сначала решил, что ослышался.

— Откуда?

— Между окончанием одной цепочки синхронизации и началом следующей. В видео они спрятаны. Внутри контейнера — нет. Файл говорит: всё это время запись шла. Служебные данные говорят: между этими двумя точками камеры как будто не существовало.

— Значит, её выключили, — сказала Софья.

— Не обязательно.

— Марат.

— Не обязательно, — повторил он. — Её могли отключить. Могли вынуть носитель. Могли переписать участок. Могли собрать файл из двух источников. Могли...

— Могли подготовить декорации, — тихо сказал Игорь.

Все посмотрели на него.

Он сидел неподвижно, обеими руками обхватив кружку. Чай в ней давно остыл.

— Что? — спросила Софья.

— Ничего. Я просто... — Он посмотрел на экран. — Там всегда так было. Не только в «Севере». Они никогда не гово-

рили: «Мы сейчас что-то изменим». Они говорили: «Подождите здесь». Или: «Вам нужно отдохнуть». Или: «Мы уточним». Потом ты возвращался, и всё уже стояло по-другому. Стул. Человек. Папка. Даже вопрос, который тебе задавали. Как будто это ты опоздал к началу разговора.

Лавров опустил глаза.

Софья сжала край кресла.

Алексей почувствовал знакомое желание немедленно превратить слова Игоря в доказательство. Записать, связать с файлом, найти формулировки в документах, выстроить цепочку. Это было бы удобно. И неправильно.

— Мы не будем сейчас решать, что это значит, — сказал он.

Игорь посмотрел на него резко.

— Конечно.

— Нет. Послушай. Я не говорю, что ты ошибаешься. Я говорю: то, что ты помнишь, важно. Но если мы сразу назовём это объяснением, они потом скажут, что мы построили всё на твоём состоянии.

— Моём состоянии, — повторил Игорь.

— Я знаю, как это звучит.

— Нет, не знаешь.

Алексей замолчал.

Игорь поставил кружку на стол. Очень аккуратно. Его руки дрожали, но он не пытался это скрыть.

— Весь прошлый год мне объясняли, что мои слова важ-

ны, но сначала их нужно правильно проверить. Потом — что я устал. Потом — что мне вредно вспоминать. Потом — что я сам не понимаю, что со мной происходит. А теперь вы хотите сказать то же самое, только мягче.

Софья сделала движение к нему, но остановилась.

— Игорь, он не...

— Я знаю, что он не они.

Он посмотрел на Алексея.

— Но слова похожие.

В комнате стало тихо.

Марат на экране снял наушник с одного уха, будто хотел сказать что-то не в микрофон, а лично. Потом передумал.

Алексей кивнул.

— Ты прав, — сказал он. — Слова похожие. Я не должен был так говорить.

Игорь не ответил.

— Давай иначе, — продолжил Алексей. — То, что ты сказал, — не диагноз и не объяснение. Это свидетельство. И мы будем искать к нему независимые следы. Не потому, что тебе нельзя верить. Потому что им нельзя позволить сделать вид, будто других следов не существует.

Игорь долго смотрел на него.

— Независимые, — сказал он наконец. — Это когда не ваши?

— Это когда никто из нас не может их поправить под себя.

— Хорошо.

Софья выдохнула так тихо, что Алексей заметил это только потому, что сам до этого не дышал.

Лавров взял деревянное крыло и приложил к птице.

— Вот так лучше, — сказал он. — Сначала след. Потом смысл. И если следов не хватает — ищем ещё, а не начинаем рисовать недостающие.

— Вы уверены, что это не тост? — спросил Марат.

— Я уверен, что ты сейчас работаешь, — отрезал Лавров.

— Работаю.

— Тогда работай молча.

— Это дискриминация по профессиональному признаку.

— Это реставрация тишины.

На этот раз Софья улыбнулась. На секунду. Потом её телефон завибрировал на подлокотнике.

Она вздрогнула так сильно, что аппарат чуть не упал на пол.

Экран загорелся.

Новое письмо.

Без имени отправителя.

Тема была напечатана ровным, безликим шрифтом:

УВЕДОМЛЕНИЕ О НЕЗАВИСИМОЙ БЕСЕДЕ.

Софья не открыла письмо сразу.

Игорь протянул руку.

— Дай.

— Может, сначала я посмотрю?

Он поднял на неё глаза.

Софья застыла. Потом молча отдала телефон.

Игорь разблокировал экран. Пальцы у него всё ещё дрожали, но он попал по нужному значку с первого раза.

Письмо было коротким.

Уважаемый Игорь Громов.

В связи с поступившими противоречивыми материалами, затрагивающими ваши ранее данные объяснения, вам предлагается принять участие в независимой беседе с участием профильных специалистов.

Цель беседы — уточнение фактических обстоятельств и обеспечение защиты ваших интересов.

Дата и место будут сообщены дополнительно.

Просим воздержаться от публичных комментариев до завершения процедуры.

Ни подписи. Ни названия организации. Только внизу — серый прямоугольник с кнопкой: ПОДТВЕРДИТЬ ПОЛУЧЕНИЕ.

— Не нажимай, — сказала Софья.

— Я знаю, — ответил Игорь.

Марат наклонился к камере.

— Перешли мне заголовки. Не скрин. Исходное письмо.

— Я не буду пересылать им ничего с этого телефона, — сказала Софья.

— Не им. Мне.

— Ты тоже в интернете.

— Справедливо. Тогда сохрани как файл и кинь на внеш-

ний носитель. У Лаврова есть флешки?

— У меня есть флешка, — сказал Лавров. — Но если вы вставите её в телефон, я потом сожгу этот телефон, флешку и, возможно, подъезд.

— У меня есть переходник, — сказал Алексей.

Лавров посмотрел на него.

— Откуда?

— Я отец ребёнка, который однажды попытался зарядить планшет от лампы.

— Это не объясняет переходник.

— Это объясняет всё.

Он достал из кармана маленький адаптер. Софья передала телефон. Алексей подключил его к старому ноутбуку Лаврова, который тот использовал только для каталогов и ненавидел за то, что тот требовал обновлений.

Пока файл сохранялся, Игорь снова посмотрел на видео.

— Марат.

— Да?

— Верни туда, где он смотрит в камеру.

— Игорь... — начала Софья.

— Я хочу посмотреть.

Марат перемотал.

Человек на экране повернулся.

Лицо Игоря возникло снова.

Теперь Алексей смотрел не на улыбку. Он смотрел на всё остальное.

На край воротника. На левое плечо. На руку, лежащую на колене. На белую кружку у окна.

— Стоп, — сказал Игорь.

Марат остановил кадр.

— Чуть назад. Нет. Ещё.

Кадр дрогнул, пополз назад и застыл за мгновение до порога.

На подоконнике рядом с кружкой лежала пластиковая карточка.

Раньше Алексей её не заметил. Она была почти полностью закрыта тенью от жалюзи. Виднелся только угол с тёмной диагональной полосой и две цифры.

— Увеличь, — сказал Игорь.

Марат приблизил изображение.

Цифры распались на пиксели, потом собрались снова.

09:17.

— Это не время записи, — сказал Марат.

— Откуда ты знаешь? — спросила Софья.

— По солнцу. По служебным меткам. По всему, что у нас есть. В кадре другой час.

— Тогда что это? — спросил Лавров.

Марат не ответил сразу.

На экране лицо Игоря ещё не успело повернуться к камере. Оно было только линией щеки, тёмными волосами у виска и чужой рукой на колене.

Алексей смотрел на цифры и чувствовал, как где-то под

рёбрами медленно собирается холод.

Восемнадцать минут.

Карточка без имени.

Чужой человек с лицом Игоря.

И приглашение на беседу, в которой, вероятно, уже знали, каким должен быть ответ.

— Не знаю, — сказал наконец Марат. — Но теперь у нас есть не просто видео.

— А что? — спросил Игорь.

Марат посмотрел прямо в камеру.

— Расписание.

Глава 2. Лицо в записи

Бейдж лежал на стойке регистрации лицом вверх.

Игорь увидел его раньше, чем девушку за стойкой. Белый пластик, прозрачный держатель, тонкий чёрный шнурок. В левом верхнем углу — название бизнес-центра, внизу — его фамилия крупными буквами: ГРОМОВ ИГОРЬ. Всё было напечатано правильно. Именно это и раздражало сильнее всего.

Фотография была неправильной.

Не чужой. Хуже.

На ней был он сам: тёмные волосы, серый воротник, привычная складка между бровями. Но снимок сделали не там, где Игорь когда-либо соглашался фотографироваться. За спиной была ровная светлая стена, в углу — полоска серого пластика. Свет падал сверху и слева, слишком плоско, будто лицо не освещали, а раскладывали на части.

— Игорь Сергеевич Громов? — спросила девушка за стойкой.

Он не ответил сразу.

Она была молода, в тёмно-синем жакете, с аккуратными ногтями и выражением лица человека, который уже успел принять с утра несколько посылок, два звонка и одного раздражённого курьера. На столе перед ней стоял стаканчик с кофе, крышка была надета криво. Рядом лежала стопка го-

стевых карт.

Самая обычная стойка.

Самый обычный бейдж.

Игорь взял пластиковую карточку двумя пальцами.

— Откуда фотография?

Девушка моргнула.

— Простите?

— Эта фотография. Откуда она у вас?

Она посмотрела на экран, потом на бейдж.

— Она подтягивается из заявки. Нам присылают данные организаторы встречи.

— Кто именно?

— Комиссия.

— Какая комиссия?

Девушка снова посмотрела на экран. Алексей стоял чуть позади и справа, не вмешиваясь. Софья — слева, слишком близко, чтобы это не было заметно, и слишком далеко, чтобы Игорь не понял: она старается не касаться его без спроса.

— Независимая консультационная комиссия, — сказала девушка. — Вторая линия, кабинет двести восемнадцать.

— А заявку кто оформил?

— У меня только название подразделения.

— Покажите.

Девушка наконец посмотрела на него не как на следующего посетителя. В её лице мелькнуло осторожное раздражение: просьба была не грубой, но выходила за пределы сце-

нария, который она знала.

— Я не могу показывать служебный экран.

— Тогда скажите, что там написано.

— Игорь, — тихо произнесла Софья.

Он не повернул головы.

— Что?

— Ты не обязан доказывать ей, что имеешь право спрашивать.

— Я не доказываю. Я спрашиваю.

Алексей сделал шаг вперёд. Не между ними — рядом.

— Мы не просим служебные данные, — сказал он девушке. — Только источник фотографии. Это часть идентификации. Если ошибка уже здесь, дальнейшая процедура не может считаться нейтральной.

Девушка подняла на него глаза.

— Вы сопровождающий?

— Нет.

— Юрист?

— Нет.

— Тогда я не могу обсуждать с вами процедуру.

— Отлично, — сказал Алексей. — Тогда обсуждайте с Игорем Сергеевичем. Он уже задал вопрос.

Девушка посмотрела на Игоря. Тот всё ещё держал бейдж.

— В заявке указано: фотография из актуального профиля, — сказала она. — Другой информации нет.

— Какого профиля?

— Простите, я не знаю.

Игорь перевернул бейдж.

На обратной стороне был только чёрно-белый квадрат ко-
да, номер пропуска и тонкая диагональная полоса тёмно-си-
него цвета. Такая же полоса лежала на карточке у кружки в
видео из «Севера». Он не сказал об этом вслух. Пока нет.

— Мне нужно вернуть его? — спросил он.

Девушка явно обрадовалась простому вопросу.

— Нет, конечно. Он ваш на время визита.

Игорь посмотрел на шнурок.

— На время визита.

— Да.

Он надел бейдж сам.

Пластик лёг на грудь слишком легко.

Софья ничего не сказала. Только сжала ремень своей сум-
ки так, что костяшки пальцев побелели.

— Второй лифт направо, — произнесла девушка, уже гля-
дя мимо них. — Двести восемнадцать. Вас ожидают.

Игорь пошёл к лифтам.

Вестибюль был светлым, прозрачным и безликим. За
стеклянной стеной шёл дождь. В искусственном пруду у
входа стояли два камня, отполированные до гладкости, и
несколько высоких растений, которые выглядели слишком
зелёными для конца ноября. На одном из диванов мужчина
в дорогом пальто говорил по телефону о поставке оборудо-
вания. Он произнёс слово «оригинал» так небрежно, будто

оно означало только наличие печати.

Игорь нажал кнопку лифта.

— Ты можешь уйти, — сказала Софья.

— Могу.

— Игорь.

Он повернулся к ней.

— Я не говорю, что нужно уходить. Я говорю, что ты можешь.

— А потом они напишут, что я отказался от независимой беседы?

— Они и так могут это написать.

— Значит, хотя бы я буду знать, что они написали.

Софья опустила взгляд.

Алексей стоял у стены, рассматривая табличку с планом этажей. Он делал это так внимательно, будто бизнес-центр был старинным предметом с поздней реставрацией. Впрочем, возможно, для него всё так и выглядело: гладкое стекло, новые буквы, под которыми всегда можно найти старый клей.

— Правила, — сказал он.

Игорь посмотрел на него.

— Какие?

— Никаких подписей. Никаких ответов на вопросы о прошлом, если они не показывают документ, к которому вопрос относится. Никаких телефонов на столе, если ты не видишь, что именно пишет устройство. Если тебе нужна пауза — го-

воришь «пауза». Не объясняешь почему.

— А если они скажут, что пауза невозможна?

— Тогда мы встаём и уходим.

— Мы?

Алексей помолчал.

— Ты решаешь. Я напомним, что у тебя есть выход.

Игорь кивнул.

Лифт приехал. Двери разошлись почти бесшумно.

В зеркальной стене кабины отразились четыре человека: Софья, Алексей, Лида и он сам. Лида стояла чуть поодаль, в тёмном пальто, с пластиковым стаканом воды в руке. Она приехала на десять минут позже остальных и почти не разговаривала. Игорь заметил её только у входа, когда она коротко сказала: «Я рядом, если понадобится».

Теперь он посмотрел на её отражение.

— Ты пойдёшь со мной?

Лида подняла глаза.

— Если хочешь.

Софья повернулась к нему.

— Я тоже могу.

Он знал, что она может. В этом и была проблема.

В лифте пахло освежителем воздуха и влажной тканью чужих пальто. Кабина тронулась.

— Я хочу, чтобы пошла Лида, — сказал Игорь.

Софья не пошевелилась.

— Хорошо.

Это слово прозвучало спокойно. Слишком спокойно. Игорь видел, как она смотрит на зеркальную стену, а не на него.

— Соня.

— Всё нормально.

— Нет.

Она наконец повернулась.

— Нет, — сказала она. — Не нормально. Но я сказала, что не буду решать за тебя. И я не буду.

Двери открылись на втором этаже.

Коридор был длинный, с ковровым покрытием цвета мокрого асфальта. На стенах висели фотографии города: мосты, набережные, старые фасады, снятые так, чтобы в кадр не попадали люди. У двери с табличкой «218» стоял высокий фикус в белом горшке. Его листья были покрыты тонким слоем офисной пыли.

Секретарь за маленьким столом поднялась им навстречу.

— Игорь Сергеевич? Елена Викторовна готова вас принять.

— Со мной будет сопровождающая, — сказал Игорь.

Секретарь посмотрела на Лиду.

— Ваша степень родства?

— Никакая, — ответила Лида.

— Тогда, боюсь, комиссия предпочитает проводить первичную беседу без участия заинтересованных лиц.

— А я предпочитаю не отвечать в одиночестве, — сказал

Игорь.

Секретарь растерялась не сильно. Скорее включила следующий заранее подготовленный режим.

— Мы понимаем вашу осторожность. Поэтому можем предоставить независимого сопровождающего из числа сотрудников центра.

Лида коротко усмехнулась.

— То есть человека, которого он видит впервые, но который работает на вас?

— Мы не работаем «на него» или «на вас». Мы обеспечиваем нейтральность.

Игорь почувствовал, как внутри поднимается знакомое раздражение. Не ярость. Она была бы проще. Раздражение от слов, которые звучат прилично, пока не пытаешься понять, куда они тебя ведут.

— Я выбрал сопровождающую, — сказал он. — Или беседы не будет.

Секретарь посмотрела на Алексея, словно ждала, что он подтвердит или отменит решение.

Алексей не сделал ни того ни другого.

— Это решение Игоря Сергеевича, — сказал он.

Дверь кабинета открылась.

На пороге стояла женщина лет сорока пяти. Светлые волосы собраны в низкий узел, тёмно-зелёное платье, тонкая цепочка на шее. Лицо у неё было спокойное и внимательное, но не холодное. Игорь сразу понял: именно такие лица люди

потом вспоминают с неудобной благодарностью. Они не дают. Они дают тебе воду, предлагают сесть, называют тебя по имени. А потом в бумагах оказывается, что ты сам попросил исчезнуть.

— Игорь Сергеевич, — сказала она. — Елена Викторовна Ракитина. Я услышала, что возник вопрос о сопровождении. Проходите, пожалуйста. Мы найдём приемлемый формат.

— Я уже нашёл, — сказал Игорь.

Ракитина на секунду задержала взгляд на Лиде.

— Хорошо. Тогда прошу и вас.

Она посторонилась.

Перед тем как войти, Игорь обернулся. Софья стояла у стены, прижав к груди сумку. Алексей — рядом с ней. Он не кивнул и не сказал ничего вроде «справишься». Игорь был ему за это благодарен.

Кабинет оказался больше, чем он ожидал. Светлая стена, стол овальной формы, два кресла с прямыми спинками, кувшин воды и четыре одинаковых стакана. На дальней стене висела абстрактная картина в серо-зелёных тонах. В ней можно было увидеть море, горы или медицинский снимок — в зависимости от того, насколько долго смотреть.

На столе лежал планшет.

Рядом — тонкий чёрный цилиндр, похожий на диктофон.

Игорь сел так, чтобы видеть дверь.

Лида села справа от него. Не слишком близко. Он отметил это машинально.

Ракитина устроилась напротив.

— Прежде чем мы начнём, я поясню формат, — сказала она. — Это не допрос и не экспертиза. Мы не будем оценивать вашу личность, убеждения или эмоциональные реакции. Наша задача — понять, в каких условиях формировались ваши недавние заявления, и убедиться, что вы можете выражать позицию без внешнего давления.

— Вы записываете? — спросил Игорь.

Ракитина посмотрела на цилиндр.

— Да. Аудиофиксация нужна для точности протокола.

— Кто получит запись?

— Только участники процедуры и, при необходимости, уполномоченные специалисты.

— Какие специалисты?

— Профильные.

— Какие?

Ракитина сложила руки на столе.

— Игорь Сергеевич, я понимаю, что после пережитого вам сложно доверять формальным процедурам.

— Вы не ответили.

— Потому что состав участников может уточняться в зависимости от материалов.

— Тогда я не понимаю, кому вы собираетесь передать мой голос.

Лида наклонилась к столу.

— Это можно внести в протокол? Участник запрашивает

перечень лиц, получающих доступ к аудиофиксации.

Ракитина посмотрела на неё с мягким интересом.

— Вы имеете юридическое образование?

— Нет.

— Тогда откуда такая точность формулировок?

Лида ответила не сразу.

— Из практики.

— В какой сфере?

— В той, где людям объясняют, что формулировка — это забота.

Ракитина чуть изменилась в лице. Совсем немного. Если бы Игорь не смотрел на неё в этот момент, он бы не заметил: уголок рта стал жёстче, а пальцы коснулись края планшета.

— Я внесу запрос, — сказала она. — Но сразу предупрежу: часть информации может быть ограничена правилами конфиденциальности.

— Чьей конфиденциальности? — спросил Игорь.

— Всех участников.

— Я участник. Мне тоже можно не знать, что обо мне будут говорить?

Ракитина помолчала.

— Давайте начнём с более простого. Вы понимаете, почему вас пригласили?

Игорь посмотрел на диктофон.

— Потому что кто-то использовал моё имя в документах.

— Это ваша интерпретация.

— Это вопрос, который я пришёл задать.

— Хорошо. Тогда я задам свой. Как вы оцениваете достоверность собственных воспоминаний о последних неделях?

Он ожидал этот вопрос. Алексей предупредил. Марат сказал по дороге: «Не спорь с тем, что травма может влиять на память. Спорь с тем, что они уже знают, куда этот вывод должен привести». Лавров ничего не сказал. Только сунул Игорю в карман сложенный вчетверо листок с номером независимого адвоката и велел не терять.

Но знать вопрос заранее не означало быть готовым к нему.

— Не знаю, — сказал Игорь.

Ракитина кивнула, словно услышала именно то, на что рассчитывала.

— Это честный ответ.

— Подождите, — сказал Игорь. — Я не закончил.

Она положила палец на экран планшета.

— Простите.

— Я не знаю, насколько точны мои воспоминания. Поэтому я хочу, чтобы их проверяли. По записям, маршрутам, документам. По людям, которые были рядом. Но я не согласен, чтобы моя неуверенность автоматически означала, что за меня может говорить кто-то другой.

Ракитина смотрела на него внимательно.

— Вы считаете, что кто-то говорит от вашего имени?

— Я видел видео.

— Видео, переданное вам близкими лицами в крайне на-

пряжённый период.

— Вы его видели?

— Мне известно о его существовании.

— Это не ответ.

— Я не могу обсуждать материалы, которые не были официально приобщены к процедуре.

— Но вы можете строить на них процедуру?

Лида медленно повернула голову к Игорю. Он понял, что сказал что-то важное, хотя сам ещё не мог сформулировать, что именно.

Ракитина не торопилась.

— Игорь Сергеевич, вы пережили тяжёлый период изоляции. Это не оспаривается. Вы оказались в ситуации высокой эмоциональной нагрузки. В таких обстоятельствах даже добросовестный человек может придавать отдельным фрагментам опыта чрезмерное значение.

— «Добросовестный» — это хорошо, — сказал Игорь. — А «человек»?

— Простите?

— Я человек или фрагмент опыта?

— Разумеется, человек.

— Тогда не говорите обо мне так, будто я папка, которую нужно правильно разложить.

Вода в кувшине дрогнула, когда Лида поправила локоть на столе. Игорь заметил, что она не смотрит на него. Смотрит на планшет Ракитиной.

— Вы записываете ответы сразу? — спросила Лида.

— Да. Это помогает сохранить точность.

— Можно посмотреть, что именно вы записали?

Ракитина перевела взгляд на неё.

— Протокол формируется в рабочем виде. Участник сможет ознакомиться с ним по завершении беседы.

— Почему не сейчас?

— Потому что это помешает естественности разговора.

— То есть если он увидит, как его слова становятся формулировками, это помешает вам?

— Это помешает процедуре.

— В чём разница?

Игорь почувствовал, как напряжение в комнате стало плотным, почти физическим. Не как в «Севере». Там люди старались говорить мягче, чем думали. Здесь они просто не повышали голос.

Ракитина сняла очки. Протёрла стекло салфеткой, хотя на нём не было следов.

— Хорошо, — сказала она. — Чтобы у нас не возникало ощущения скрытности, я покажу вам текущую запись. Но прошу помнить: это рабочие тезисы, не окончательный вывод.

Она повернула планшет.

Игорь наклонился.

На экране было несколько пунктов.

Участник признаёт наличие пробелов и неуверенности в

оценке ряда событий.

Участник демонстрирует выраженную настороженность к институциональным формам проверки.

Участник настаивает на присутствии знакомого сопровождающего, что может указывать на высокую зависимость от близкого окружения в текущей ситуации.

Игорь прочёл третий пункт дважды.

— Это не мои слова.

— Это не цитата, — спокойно сказала Ракитина. — Это профессиональная фиксация контекста.

— Тогда почему здесь написано «может указывать»? На что? Я выбрал человека, который знает, как работают такие процедуры. Это не зависимость. Это причина.

— Причина может существовать вместе с зависимостью.

— А может не существовать.

— Может.

— Тогда напишите и это.

Ракитина подняла глаза.

— Что именно?

— Что выбор сопровождающего мог быть вызван опытом участника и желанием иметь свидетеля при процедуре. Без слова «зависимость».

— Я могу добавить ваше пояснение.

— Не моё пояснение. Факт.

Лида впервые улыбнулась. Не весело, но с тем коротким уважением, которое люди иногда испытывают к чужой точ-

ности.

Ракитина взяла планшет обратно.

— Хорошо. Сформулируем нейтральнее.

— Нет, — сказал Игорь. — Сформулируем точнее.

Он откинулся на спинку кресла. Сердце билось слишком быстро. Ему хотелось встать, выйти, снять с себя бейдж, разбить этот чёрный цилиндр на столе. Всё это было бы удобно для них. Он знал это не потому, что был сильнее. Потому что слишком часто видел, как любое движение заранее получает чужое объяснение.

Ракитина открыла другой экран.

— Игорь Сергеевич, вы сказали, что пришли задать вопрос. Я готова показать вам материалы, на основании которых была инициирована беседа. Но должна предупредить: часть из них относится к документам ограниченного доступа.

— Покажите ту часть, которая относится ко мне.

— Не всё, что относится к вам, может быть раскрыто без ущерба для других участников.

— Если это касается моих слов, моего имени и моей подписи, ущерб уже есть.

Лида положила ладонь на стол.

— Он просит основание процедуры. Это не просьба о чужом досье.

Ракитина смотрела на них несколько секунд. Потом открыла тонкую папку, лежавшую справа от планшета. Игорь

не заметил её раньше. Папка была матовая, серо-бежевая, без названия. На корешке — только номер и тонкая синяя диагональная полоса.

Он почувствовал, как холодеют пальцы.

Ракитина достала один лист.

— Это предварительное заявление, — сказала она. — Его статус оспаривается, поэтому мы и проводим беседу. Никто не утверждает, что документ окончательно отражает вашу позицию.

— Но он уже есть в материалах.

— Да.

Она положила лист на стол, но не подвинула к нему. Игорь протянул руку сам.

Бумага была плотной, белой, слишком новой. В верхней части стоял логотип неизвестной организации: три пересекающиеся дуги, похожие на схему сети или на отпечаток пальца. Ниже — его полное имя.

Я, Игорь Сергеевич Громов, подтверждаю, что высказывания, сделанные мной после инцидента у поста 6, могли быть сформированы в ситуации острого эмоционального давления со стороны близких лиц и не должны рассматриваться как окончательное и самостоятельное выражение моей позиции.

Он прочёл первую строку. Потом вторую. Потом опять первую.

Внутри всё стало тихо.

Не пусто. Тихо — как в комнате, где выключили звук, но ты всё ещё видишь, что люди говорят.

Под текстом стояла подпись.

Его подпись.

Не идеальная. Не нарисованная школьником. Чуть зава-
ленная буква «Г», короткий штрих на конце фамилии, кото-
рый он сам всегда ставил, когда торопился. Слишком знако-
мая, чтобы от неё можно было просто отмахнуться.

Ниже — прямоугольная отметка:

**ЛИЧНОСТЬ ПОДТВЕРЖДЕНА. БИОМЕТРИЧЕСКОЕ
СОПОСТАВЛЕНИЕ ВЫПОЛНЕНО.**

И регистрационный номер.

Игорь поднял глаза.

— Где это подписано?

— В системе указано: в помещении временного сопро-
вождения.

— Где именно?

— Адрес не приобщён к открытой части документа.

— Когда?

Ракитина посмотрела на лист.

— Дата стоит.

— Я спрашиваю время.

Она задержала взгляд на нём.

— Шестнадцать сорок две.

Игорь посмотрел на Лиду.

Она не сразу поняла. Потом её лицо изменилось.

— В этот момент он был у нас, — сказала она.

Ракитина сложила руки.

— Простите?

— В шестнадцать сорок две. После поста. Мы были в машине. Потом в библиотеке. Там были люди.

— Какие именно?

— Вы знаете какие. Это было после инцидента у поста 6.

— Время в документах может отражать не момент подписи, а момент регистрации.

— Тогда почему здесь написано «биометрическое сопоставление выполнено»? — спросил Игорь.

— Я не могу объяснить технические детали чужой системы.

— Но вы можете использовать их как основание?

Ракитина не ответила.

Игорь снова посмотрел на лист. На своё имя. На подпись. На слово «самостоятельное», которое его подпись должна была отменить.

— Это не я, — сказал он.

— Я понимаю, что вам тяжело это видеть.

— Нет. Вы не понимаете.

Голос у него не сорвался. Это удивило его самого.

— Мне не тяжело видеть бумагу. Мне тяжело слышать, как вы называете её основанием для разговора со мной, пока я сижу перед вами.

Ракитина чуть наклонила голову.

— Именно поэтому разговор и нужен.

— Нет. Разговор нужен вам, чтобы потом сказать, что вы меня выслушали.

Лида взяла лист со стола.

— Можно сфотографировать?

— Нет, — быстро сказала Ракитина. — Материал не предназначен для распространения.

— Тогда как участник сможет проверить, не изменится ли он после встречи?

— Он сможет запросить заверенную копию через установленную процедуру.

— Какую?

— Через секретариат комиссии.

— Тот, который не может сказать, откуда взялась его фотография?

Ракитина впервые потеряла плавность движения. Всего на секунду. Потом снова стала спокойной.

— Я вижу, что беседа вызывает у вас дополнительное напряжение.

Игорь положил ладонь на лист.

— Пауза.

Лида посмотрела на него. Он не объяснил. Не обязан был. Ракитина кивнула.

— Конечно. Сколько вам нужно?

— Я скажу.

Она откинулась в кресле.

За стеклом кабинета кто-то прошёл по коридору. Тень пересекла матовую полосу на двери и исчезла. В кувшине вода казалась неподвижной.

Игорь смотрел на подпись.

Он вспомнил, как в «Севере» ему приносили бумаги. Не всегда для подписи. Иногда просто клали на стол и говорили: «Прочитайте, когда будете готовы». Иногда просили поставить галочку, что он получил лекарства. Иногда показывали экран и просили подтвердить дату рождения. Всё было маленьким. Ничего не значило по отдельности.

Он не мог вспомнить эту бумагу.

Не мог вспомнить шестнадцать сорок две.

Но знал, где был в шестнадцать сорок две после поста. Помнил Софью на заднем сиденье, плед на коленях Лиды, запах мокрой шерсти в машине. Помнил, как Виктор ругался на навигатор. Помнил руку Алексея на карте.

Воспоминание было не идеальным. Но оно было его.

— Я хочу добавить к протоколу одну фразу, — сказал Игорь.

Ракитина взяла планшет.

— Конечно.

— «Я не признаю это заявление своим. Я не подтверждаю подпись. Я требую сохранить оригинал документа, данные биометрического сопоставления и всю цепочку его регистрации до независимой проверки».

Ракитина медленно набирала.

— Формулировка слишком категорична для предварительной беседы.

— Это моя формулировка.

— Вы можете изложить сомнения менее окончательно.

— Почему?

— Потому что вы сами сказали, что не уверены в части воспоминаний.

— Я не уверен в воспоминаниях. Я уверен, что не подписывал это сегодня перед вами. И уверен, что вы не должны делать из первого второе.

Лида тихо сказала:

— Внесите дословно.

Ракитина подняла на неё глаза.

— Вы понимаете, что такая запись может усложнить процедуру?

— Хорошо, — ответил Игорь. — Пусть усложнит.

Он почувствовал, как что-то внутри сдвинулось. Не стало легче. Просто появилась точка, от которой можно было оттолкнуться.

Ракитина внесла текст.

— Готово. Теперь, чтобы зафиксировать, что вы ознакомились с материалами и подтвердили получение разъяснений, я попрошу вас поставить подпись внизу.

Она подвинула планшет.

На экране была короткая строка:

Подтверждаю ознакомление с материалами процедуры и

согласие на дальнейшее взаимодействие.

Игорь посмотрел на неё.

— Нет.

— Это не согласие с содержанием заявления.

— Там написано «согласие на дальнейшее взаимодействие».

— Да. Это техническая формулировка.

— Техническая формулировка — это когда я не читаю, что подписываю?

— Нет, конечно.

— Тогда я прочитал.

Ракитина положила руки на стол.

— Игорь Сергеевич, отказ от подписи не остановит процедуру. Он только будет отражён как отказ.

— Отрадите.

— Это может быть истолковано как нежелание участвовать в защите собственных интересов.

— Тогда напишите ещё одну фразу.

— Какую?

— «Участник отказывается подтверждать согласие на дальнейшее взаимодействие до получения копии документа, сведений о цепочке его регистрации и перечня лиц, имеющих доступ к записи беседы».

Ракитина долго смотрела на него.

— Вы заранее готовились к этому разговору?

Игорь почувствовал, как вопрос пытается стать обвинени-

ем. Подготовленность — значит внушённость. Точность — значит зависимость. Поддержка — значит давление.

— Да, — сказал он. — Потому что вы тоже готовились. На этот раз молчание было настоящим.

Потом Ракитина закрыла папку.

— Хорошо. Я внесу отказ в протокол. Но мне придётся отметить, что вы ограничили возможность комиссии получить от вас полную позицию.

— Нет, — сказал Игорь. — Вы получили мою позицию. Вам не понравилось, что она не поместилась в вашу форму. Лида опустила глаза, пряча улыбку.

Ракитина вызвала секретаря кнопкой на столе.

— На сегодня достаточно.

Секретарь вошла почти сразу. Слишком быстро, подумал Игорь. Будто стояла за дверью и ждала слова.

— Пожалуйста, проводите гостей, — сказала Ракитина.

Игорь поднялся. Ноги слушались не сразу. Он не стал смотреть на Ракитину. Взял со стола лист с заявлением.

Она накрыла бумагу ладонью.

— Оригинал остаётся в материалах.

— Я не прошу оригинал. Я хочу прочитать номер ещё раз. Она не убрала руку.

Игорь наклонился. Запомнил последние цифры. Потом выпрямился.

— Спасибо.

В коридоре Софья вскочила с дивана прежде, чем он

успел закрыть дверь. Алексей поднялся следом.

— Всё? — спросила Софья.

Игорь кивнул.

— Да.

— Они что-то сделали?

Он посмотрел на неё.

Вопрос был неудачный. Он видел, что она понимает это в ту же секунду, но уже поздно.

— Они показали, что уже сделали, — сказал он.

Софья не подошла ближе. Только спросила:

— Ты хочешь рассказать сейчас?

— Не здесь.

Алексей кивнул.

— Хорошо. Сначала выходим.

Они пошли к лифту. Лида держала в руке свой телефон, но не смотрела в него. Игорь заметил, что она сжала пальцы так сильно, что крышка чехла чуть выгнулась.

— Ты видел, что она писала? — спросил он.

— Видела достаточно.

— Она уже решила, что я зависимый?

— Она решила, что ей нужно оставить такую возможность.

— Это одно и то же?

Лида посмотрела на него.

— Почти. Но «почти» потом всегда оказывается самым дорогим словом.

Лифт приехал. На этот раз в зеркале отражалось пятеро: Игорь, Софья, Алексей, Лида и чужой человек в конце коридора. Мужчина в сером пальто стоял у пожарной лестницы и смотрел в телефон.

Когда двери закрылись, Игорь успел заметить только одно: на груди у него висел такой же белый бейдж.

Без фотографии.

На первом этаже Софья первой пошла к стойке регистрации.

— Мы хотим вернуть пропуск, — сказала она.

Девушка в синем жакете подняла глаза. В этот раз кофе у неё уже не было. Стаканчик исчез, но круг от него остался на столе.

— Конечно.

Игорь снял бейдж.

Пластик оказался тёплым от тела. На лицевой стороне его фотография казалась ещё более плоской, чем утром.

— Подождите, — сказал он.

Он перевернул бейдж и показал Алексею обратную сторону.

— Сфотографируй.

— Здесь нельзя, — сказала девушка.

— Почему?

— Правила безопасности.

— Чья безопасность? — спросила Софья.

Девушка растерялась.

Алексей достал из кармана маленький бумажный конверт.

— Мы не будем фотографировать, — сказал он. — Игорь Сергеевич заберёт с собой выданный ему пропуск как личную вещь до момента, когда получит копию процедуры регистрации.

— Но пропуск должен быть возвращён.

— Тогда вы можете оформить акт возврата. С указанием его номера, фотографии, источника данных и времени выдачи.

Девушка посмотрела на экран. Потом на Игоря.

— Я не могу оформить такой акт без разрешения администрации.

— Тогда пусть администрация его оформит, — сказал Алексей.

Она потянулась к телефону.

Игорь положил бейдж в конверт.

— Я верну его, когда увижу, что именно вы считаете моим лицом.

— Это может быть расценено как нарушение внутреннего порядка, — сказала девушка.

— Я не внутри вашего порядка, — ответил Игорь.

Он развернулся и пошёл к выходу.

На улице дождь почти закончился. Асфальт блестел так, будто город только что вымыли и забыли вытереть. У тротуара стояла машина Марата. Он сидел за рулём, с ноутбуком на пассажирском сиденье и телефоном, подключённым

к зарядке.

Когда они сели, Марат не стал спрашивать, как прошло. Он посмотрел на Игоря в зеркало заднего вида.

— Номер есть?

— Есть, — сказал Игорь и назвал последние цифры.

Марат быстро ввёл их в строку поиска.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом экран отразился в его очках.

— Плохо, — сказал он.

— Что? — спросила Софья.

— Это не внутренний номер комиссии. Он уже ходит по внешним реестрам.

— Каким? — спросил Алексей.

— Пока вижу три контура. Медицинская верификация, юридический обмен и... — Марат осёкся. — И система идентификации.

Игорь сидел с конвертом на коленях. Пластиковый бейдж едва прощупывался сквозь бумагу.

— Что это значит?

Марат повернулся к нему.

— Это значит, что человек с твоим именем существует не только на видео.

Машина тронулась.

Игорь посмотрел на конверт, потом на мокрое стекло за окном.

Ему вдруг стало ясно, что человек у окна в «Севере» был

не главной угрозой.

Главная угроза состояла в другом.

Кто-то уже успел открыть его именем двери, о существовании которых он не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.